

Владимир Галактионович Короленко

Необходимость

**Короленко Владимир
Галактионович
Необходимость**

В.Г.КОРОЛЕНКО "НЕОБХОДИМОСТЬ"

Восточная сказка

Подготовка текста и примечания: С.Л.КОРОЛЕНКО и Н.В.КОРОЛЕНКО-ЛЯХОВИЧ

I

Однажды, когда три добрых старца - Улайя, Дарну и Пурана - сидели у порога общего жилища, к ним подошел юный Кассапа, сын раджи Личави, и сел на завалинке, не говоря ни одного слова. Щеки этого юноши были бледны, глаза потеряли блеск молодости, и в них сквозило уныние.

Старцы переглянулись между собою, и добрый Улайя сказал:

- Послушай, Кассапа, открой нам, трем старцам, желающим тебе добра, что угнетает с некоторых пор твою душу. Судьба с колыбели окружила тебя своими дарами, а ты смотришь так же уныло, как последний из рабов твоего отца, бедный Джевака, который еще вчера испытал на себе тяжесть руки вашего домоправителя...

- Бедный Джевака показывал нам рубцы на своей спине,- сказал суровый Дарну, а бла-

годушный Пурана прибавил:

- И мы еще хотели обратить твое внимание, добрый Кассапа...

Но юноша не дал ему говорить. Он вскочил со своего места и сказал с нетерпением, какого прежде в нем не замечали:

- Замолчите, благодушные старцы, с вашими лукавыми упреками! Вы полагаете, очевидно, что я обязан ответить вам за каждый рубец на спине раба Джеваки, нанесенный домоправителем. А я сильно сомневаюсь, обязан ли я отвечать даже за свои собственные поступки. Старцы опять переглянулись, и Улайя сказал:

- Продолжай, сын мой, если тебе угодно.

- Угодно? - перебил юноша с горьким смехом.- В том-то и дело, что я не знаю, угодно ли мне что-нибудь, или нет. И мне ли угодно то, что я хочу, или это хочет кто-то другой за меня.

Он замолчал. Было совсем тихо, только ветер шевельнул верхушку дерева, и один листок упал к ногам Пураны. Пока Кассапа следил за ним унылым взором, от разогретой солнцем скалы оторвался камень и скатился

вниз, к берегу ручья, где в это время отдыхала большая ящерица... Каждый день в этот час она выползала сюда и, приподнявшись на передние лапы, закрыв веками выпуклые глаза, казалось, слушала мудрую беседу старцев. Можно было подумать, что в зеленом теле была заключена душа какого-нибудь мудрого брамина. На этот раз камень освободил эту душу из ее зеленой оболочки для новых превращений...

Горькая усмешка прошла по лицу Кассапы.

- Ну вот, благодущные старцы,- сказал он,- спросите у этого листка, угодно ли было ему сорваться с ветки, или у камня - по своей ли воле он отделился от скалы, или у ящерицы - угодно ли ей было очутиться под камнем? Время назрело, листок упал, ящерица не услышит больше ваших бесед. Вот все, что мы знаем, и иначе быть не могло. Или вы скажете, что это должно и могло быть иначе, чем было?

- Не могло,- ответили старцы.- Что было, то должно было быть в общей связи событий.

- Вы сказали. Ну вот и рубцы на спине Джеваки должны были быть в общей связи собы-

тий, и каждый из них начертан от века в книге необходимости. А вы хотите, чтобы я - такой же камень, такая же ящерица, такой же листок на общем стволе жизни, такая же вот ничтожная струйка в этом ручье, увлекаемом неведомою силою от истока к устью... Вы хотите, чтобы я боролся с силой потока, который несет и меня самого...

Он толкнул ногою окровавленный камень, который упал в воду, и опять опустился на завалинку, рядом с добрыми старцами. И глаза Кассапы опять стали тусклы и печальны.

Старец Дарну молчал, старец Пурана покачал головою; только веселый Улайя засмеялся и сказал:

- В книге необходимости, очевидно, начертано также, чтобы я рассказал тебе, Кассапа, что случилось некогда с двумя старцами Дарну и Пураной, которых ты видишь перед собою... И в той же книге начертано, чтобы ты выслушал эту историю.

И он рассказал о своих товарищах следующую странную историю, которую те слушали с улыбкой, ничего не подтверждая и не отрицая.

В стране,- говорил он,- где цветет лотос и священная река катит свои воды, не было браминов, более мудрых, чем Дарну и Пурана. Никто не изучил шастры {Прим. стр. 375} лучше, и никто не погружался глубже в древнюю мудрость вед. Но, когда оба достигли пределов жизненного лета и вьюга близкой зимы коснулась их волос своими снежинками,- оба все еще были недовольны собою. Годы уходили, могила становилась все ближе, а истина, казалось, уходила все дальше...

Тогда оба, зная, что отдалить могилу невозможно, решили приблизить к себе истину. Дарну первый надел одежды странника, привесил к поясу тыкву с водой, взял в руки посох и отправился в путь. После двух лет трудных скитаний он пришел к подножию высокой горы и на одном из ее уступов, на высоте, где свободно ночуют облака, увидел развалины храма. Невдалеке от дороги, на лугу, пастухи сторожили стада, и Дарну обратился к ним с вопросом: что это был за храм, какие люди и какому богу приносили здесь жертвы?

Но пастухи только глядели на гору и на

спрашивавшего Дарну, не зная, что ответить страннику. Наконец они сказали:

- Мы, жители долин, не знаем, что ответить тебе. Но у нас есть старый пастух Ануруджа, который издавна пас свои стада на этих возвышенностях. Может быть, он знает.

II

И они позвали этого старика.

- Я тоже не могу сказать тебе,- сказал он,- какие именно люди, и в какое время, и какому богу приносили там свои жертвы. Но мой отец слышал от моего деда и передавал мне, будто прадед мой рассказывал, что по склонам этих гор жило когда-то племя мудрецов, которые все погибли с тех пор, как воздвигли этот храм. А звали этого бога - "Необходимость"...

- Необходимость? - с живостью воскликнул Дарну.- А не знаешь ли ты, добрый отец, какой вид имело это божество и не живет ли оно еще в этом храме?

- Мы люди простые,- ответил опять старик,- и нам трудно ответить на твои мудрые вопросы. В молодости,- а это было очень давно,- я пас стада на этих склонах. В то время

там стоял еще идол из черного блестящего камня. Изредка, когда поблизости меня застигала гроза,- а грозы очень страшны в этих ущельях,я загонял свое стадо под защиту старого храма. Случалось нередко, что туда же, дрожащая и испуганная, вбегала Ангапали, пастушка соседнего горного склона. Я согрел ее в своих объятиях, а старый бог глядел на нас, странно улыбаясь. Но он никогда не делал нам никакого зла, может быть, потому, что Ангапали убирала его всякий раз цветами. Говорят, однако...

И пастух остановился, глядя с сомнением на Дарну и как будто стыдясь продолжать рассказ при нем.

- Что же говорят? Доскажи, добрый человек, до конца,- попросил мудрец.

- Говорят, будто не все поклонники старого бога погибли... Иные из них разбрелись по свету... И вот иногда, правда, редко, они приходят сюда, спрашивают, как и ты, дорогу к храму и идут туда вопрошать старого бога. Таких он обращает в камень. В храме старикам случалось видеть какие-то столбы или изваяния, имевшие подобие сидящего человека,

обильно повитые повиликой и другими вьющимися растениями. На некоторых птицы вили свои гнезда. Потом они постепенно превращались в прах.

Дарну глубоко задумался над рассказом. Не теперь ли, думалось ему, я близок к цели? Ибо известно, что "кто, подобно слепому, не видит, подобно глухому, не слышит, подобно древу, бесчувствен и недвижим, о том знай, что он достиг покоя и познания".

И он обратился к пастуху:

- Друг мой, укажи мне дорогу к храму. Пастух исполнил его просьбу, и, когда Дарну стало бодро подниматься по заросшей тропе,- он долго смотрел вслед мудрецу и сказал, наконец, обращаясь к своим молодым товарищам:

- Назовите меня не старейшим из пастухов, а самым юным из сосущих еще баранов, если старый бог не получит скоро новой жертвы. Наденьте на меня ярмо, как на быка, или навьючьте меня, как осла, разными тяжестями, если в старом храме не прибавится нового каменного болвана!..

Пастухи с почтением выслушали старца и разбрелись по пастбищам. И опять в долине

мирно паслись стада, пахарь ходил за своим плугом, светило солнце, спускались ночи, и люди предавались своим заботам, не думая больше о мудром Дарну. Но через малое время - несколько дней или больше - новый странник стоял у подножия горы и опять спрашивал о храме. Когда же и он, воспользовавшись указанием пастуха, стал весело подыматься на гору, то старик покачал головой и сказал:

- Вот и другой.

Это был Пурана, который шел по следам мудрого Дарну, думая про себя:

"Пусть не скажут, что Дарну нашел истину, которой не мог отыскать Пурана".

III

Дарну поднялся на гору.

Путь был труден. Видно было, что нога человека редко ступала по заросшим тропам, но Дарну бодро преодолевал все препятствия и, наконец, подошел к полуразвалившимся воротам, над которыми виднелась древняя надпись: "Я Необходимость, владычица всех движений"... На стенах не было других изваяний или украшений, кроме обломков каких-то

цифр и таинственных вычислений...

Дарну вошел в святилище. От старых стен веяло покоем разрушения и смерти. Но и самое разрушение, казалось, уже застыло, оставив в покое самые изломы стен, насчитывавших многие столетия. В одной стене была обширная ниша; несколько ступеней вели к алтарю, на котором стоял идол из черного блестящего камня и странно улыбался, глядя на картину запустения. А внизу пробивался ручей, наполнявший чуткую тишину шопотом своих струек; несколько пальм питали свои корни его влагой и тянулись к синему небу, свободно глядевшему через разрушенную крышу...

Дарну невольно поддался странному очарованию этого места и решил спросить таинственное божество, веянием которого, казалось, был еще полон разрушенный храм. Зачерпнув воды из холодного ручья и подняв несколько плодов, которые обильно роняла с своей вершины старая смоковница, мудрец начал свои приготовления по всем правилам, начертанным в книгах созерцания. Прежде всего он сел против идола, поджавши ноги, и

долго глядел на него, стараясь запечатлеть в уме его образ. Потом, обнажив свой живот, устремил взоры на то место, где некогда его, еще не рожденного, пуповина связывала с утробой матери. Ибо известно, что между бытием и небытием вмещается все познаваемое, и отсюда должны возникать откровения созерцаний...

В таком положении застал его закат первого дня и восход второго. Потом знойный полдень еще несколько раз сменялся прохладой вечера, и тени ночи уступали свое место солнечному свету,- а Дарну все сидел в том же положении, лишь изредка протягивая тыкву за водой или бессознательно поднимая плод. Глаза мудреца потускли и остолбенели, члены отекли. Сначала он чувствовал неудобства неподвижности и боль. Потом эти ощущения ушли куда-то в глубину бессознательного, а перед застывшим взором мудреца иной мир, мир созерцания стал развертывать свои странные видения и образы. Они уже не имели никакого отношения к тому, что испытывал созерцающий мудрец. Они были бескорыстны, безотносительны, довели только се-

бе, и, значит, в них готовилась открыться истина...

Трудно сказать, сколько времени прошло таким образом. Вода в тыкве уже высохла, пальма тихо шевелила листвой, рдеющие плоды срывались и падали у самых ног мудреца, но он оставлял их лежать на земле. Он уже почти освободился от жажды и голода. Его уже не грело полуденное солнце и не охлаждала свежесть ночи. Наконец он перестал отличать дневной свет от ночного мрака.

Тогда перед внутренним взором Дарну явилось давно ожидаемое откровение. Из его живота стал расти зеленый ствол бамбука и завершился узлом, как обыкновенный тростник. Из узла выросло следующее колено и так, поднимаясь кверху, ствол вырастал до пятидесятого колена, что соответствовало числу лет мудреца. На самой верхушке, вместо листа и соцветия, воссело нечто, имевшее образ идола, стоявшего в храме. И это нечто смотрело на Дарну с злою насмешкой.

- Бедный Дарну,- сказало оно наконец.- Зачем, с таким трудом, пришел ты сюда? Что те-

бе нужно, бедный Дарну?

- Я ищу истину,- ответил мудрец.

- Так смотри на меня, я то - что ты искал.

Но я вижу, что взору твоему я неприятно и противно.

- Ты непонятно,- сказал опять Дарну.

- Слушай, Дарну. Ты видишь пятьдесят колен тростника.

- Пятьдесят колен тростника - мои годы,- сказал мудрец.

- А я восседаю на их вершине, потому что я "Необходимость", владычица всяких движений. Все творения, все дыхания, все существующее, все живущее немощно, бессильно, безвластно; под влиянием необходимости достигает оно цели своего бытия, которое есть смерть. Это я управляла всеми пятьюдесятью коленами твоей жизни от колыбели до настоящего мгновения. Ты не сделал ничего во всю твою жизнь: ни одного доброго и ни одного злого дела... Ты не подал ни одной лепты нищему в порыве сожаления, не нанес ни одного удара в злобе своего сердца... ты не вырастил ни одной розы в монастырском саду и не срубил ни одного дерева в роще... ты не вскор-

мил ни одного животного и не убил ни одного комара, сосущего твою кровь... Ты не сделал ни одного движения во всю твою жизнь, которое не было бы вперед рассчитано мною... Потому что я - Необходимость... Ты гордился своими поступками или погружался в глубокое раскаяние о своем грехе. Твое сердце трепетало от любви или от злобы, а я - я смеялась над тобою, потому что я - Необходимость, и все было предписано мною. Когда ты выходил на площадь, чтобы учить таких же глупцов, что они должны делать и чего избегать,- я смеялась и говорила себе: вот сейчас мудрец Дарну провозгласит свою мудрость наивным глупцам и поделится своею святостию с грешниками. И это не потому, что Дарну мудр и свят, а потому, что я, Необходимость, подобна потоку, а Дарну подобен листу, который увлекается потоком. Бедный Дарну, ты думал, что тебя привело сюда искание истины... А между тем на этих стенах среди моих вычислений записан день и час, когда ты переступил этот порог. Потому что я - Необходимость... Бедный мудрец!

- Ты мне противна,- сказал мудрец с отвра-

щением.

- Знаю. Потому что ты считал себя свободным, а я - Необходимость, владычица твоих движений.

Тогда Дарну рассердился, схватил все пятьдесят колен тростника, изломал их и отбросил далеко от себя.

- Так,- сказал он,- поступаю я со всеми пятьюдесятью коленами своей жизни, потому что все пятьдесят лет я был лишь игралищем Необходимости. Теперь я освобождаюсь, потому что я узнал ее, и хочу скинуть ее ярмо.

Но Необходимость, невидимая во мраке, окружавшем тусклые взоры мудреца, засмеялась и сказала опять:

- Нет, бедный Дарну, ты все-таки мой, потому что я - Необходимость.

Тогда Дарну с трудом открыл глаза и сразу почувствовал, что ноги у него отекли и болят. Он хотел подняться, но тотчас же опять опустился. Потому что теперь смысл всех надписей в храме стал для него ясен, и стали ясны все вычисления. И как только он захотел расправить свои члены, он увидел, что его желание уже записано на стене.

И ему послышался, как бы из другого мира, голос Необходимости:

- Ну, что же, подымись, бедный Дарну, ведь у тебя отекли члены. Ты видишь: 999998 из тьмы твоих братьев делают это. Это - необходимо.

Дарну с досадой остался в прежнем положении, которое теперь причиняло ему еще более страдания. Но он сказал себе: я буду тем одним из тьмы, который не подчинится необходимости, потому что я - свободен.

Между тем солнце поднялось на средину неба и, заглянув в отверстие кровли, стало сильно жарить его плохо защищенное тело. Дарну протянул руку к своей тыкве.

Но тотчас же он увидел, что и это записано на стене в числе 999998, а Необходимость опять сказала:

- Бедный мудрец, тебе необходимо напиться. И Дарну оставил тыкву на месте, сказав:

- Не стану пить, потому что я свободен. Кто-то опять засмеялся в отдаленном углу храма, а в это время один из плодов на смоковнице отяжелел и упал у самой руки мудреца. И тотчас же на стене изменилась одна

цифра... Дарну понял, что это - новое покушение Необходимости на его внутреннюю свободу.

- Не стану есть,- сказал он,- потому что я свободен. И опять кто-то засмеялся в глубине храма, а в журчании ручья ему послышалось:

- Бедный Дарну!

Мудрец окончательно рассердился. Он оставался недвижим, не глядя на плоды, от времени до времени срывавшиеся с веток, не слушая соблазнительного журчания воды, и все только твердил про себя одно слово: я свободен, свободен, свободен! И чтобы плод как-нибудь, вопреки его свободе, не попал ему в рот, он сжал его и крепко стиснул зубы.

Так он сидел долго, освободившись от голода и жажды и стараясь распространить на все четыре страны света уверенность в своей внутренней свободе. Он исхудал, он высох, он одеревенел, он потерял меру времени и пространства, он не различал дня и ночи и все твердил про себя, что он свободен. По истечении некоторого времени птицы, свыкшиеся с его неподвижностью, прилетали и садились на него, а потом пара диких горлиц устроили

себе гнездо на голове свободного мудреца и беззаботно вывели детей в складках его тюрбана.

"О, глупые птицы! - думал мудрый Дарну, когда сначала воркование супругов, а потом писк птенцов достигал до его сознания...- Все это они делают потому, что не свободны и подчиняются законам необходимости". И даже, когда плечи его стали покрываться налетом птичьего помета,- он опять говорил себе:

- Глупые! И это тоже они делают потому, что не свободны.

Себя же он почитал свободным в высочайшей степени и даже близким к богам.

Снизу, из почвы, потянулись тонкие стебельки ползучих растений и стали обвивать его неподвижные члены...

IV

Раз только мудрый Дарну был отчасти выведен из полной бессознательности и даже ощутил где-то в отдаленном уголке души чувство легкого изумления.

Это было вызвано появлением мудреца Пураны.

Мудрец Пурана, точь-в-точь как и Дарну,

подошел к храму, прочитал надпись над входом и, войдя внутрь, стал рассматривать начертание на стенах. Мудрец Пурана мало походил на своего сурового товарища. Он был благодушен и круглолиц. Средина его туловища представляла округленности, приятные для взгляда, глаза светились, а губы улыбались. В своей мудрости он никогда не был строптив, как Дарну, и искал скорее блаженного покоя, чем свободы.

Обойдя храм, он подошел к нише, поклонился божеству и, увидев ручей и смоковницу, сказал:

- Вот божество с приятной улыбкой, а вот ручей сладкой воды и смоковница. Что еще нужно человеку для приятного созерцания? А вот и Дарну. Он уже блажен до такой степени, что птицы вьют на нем свои гнезда...

Вид мудрого товарища был не особенно радостен, но Пурана, с благоговением поглядев на него, сказал себе:

- Без сомнения, он блажен; но он всегда прибегал к слишком суровым способам созерцания. Я же воздержусь от высших степеней блаженства и надеюсь рассказать землякам

то, что увижу на ступенях низших.

И затем, обильно насладившись питьем и самыми сочными плодами, он уселся поудобнее, недалеко от Дарну, и тоже приступил к приемам созерцания, согласно правилам: то есть обнажив живот и устремив взгляд на то же место, как и первый мудрец.

Так проходило время, медленнее, чем у Дарну, потому что благодушный Пурана нередко прерывал созерцание, чтобы освежиться водой и сочными плодами. Но, наконец, из чрева второго мудреца тоже поднялся ствол бамбука и тоже завершился пятьюдесятью коленами, соответствовавшими годам его жизни. На вершине опять воссела "Необходимость", но ему, в тумане полубытия, казалось, что она приятно улыбается, и он отвечал ей не менее приятными улыбками.

- Кто ты, о приятное божество? - спросил он.

- Я - Необходимость, управлявшая всеми пятьюдесятью коленами твоей жизни... Все, что ты делал, делал не ты, а я, ибо ты не более, как листок, уносимый потоком, а яладычица всех движений.

- Будь же благословенна,- сказал Пурана,- я вижу, что недаром пришел к тебе. Продолжай и на будущее время исполнять свое дело за себя и за меня, а я в приятном созерцании буду наблюдать за тобою.

И он погрузился в дремоту, с блаженной улыбкою на устах. Так продолжал он свое приятное созерцание, от времени до времени протягивая тыкву к воде или подымая плод, упавший к ногам. Но каждый раз он делал это с меньшим удовольствием, так как созерцательная дремота одолевала его все сильнее, а ближайшие плоды были уже съедены, и чтобы достать их с дерева, нужно было делать усилия.

Наконец, однажды, он сказал себе:

- Я суетный человек, слишком удалившийся от истины, и потому предаюсь суетным заботам. Не оттого ли доброе божество не торопится со своими откровениями? Вот передо мною на дереве зрелый плод, а мой желудок пуст... Но разве закон необходимости не гласит: где есть голодный желудок и где есть плод,- последний необходимо влечется к желудку... Итак, о, добрая Необходимость, я отда-

юсь твоей власти... Не в этом ли высшее блаженство?

И вот он погрузился уже в полное созерцание, как и Дарну, и стал ждать, пока необходимость осуществит себя сама. А чтобы несколько облегчить ей задачу, он раскрыл свой рот по направлению к смоковнице...

Он ждал день, другой и третий... Постепенно улыбка застывала на его лице, тело исхудало, исчезла приятная округлость стана, жир под его кожей истощился и из-под нее выступили сухожилия. Когда, наконец, время плода спрело и он упал, ударив Пурану по носу, - то мудрец уже не слышал падения и не ощутил удара... Другая пара горлиц свила гнездо в складках его тюрбана, в гнезде скоро защибетали птенцы, и плечи Пураны обильно покрылись птичьим пометом. Когда же буйная поросль перекинулась также на него, то вскоре нельзя уже было отличить Пурану от его товарища - строптивного мудреца, борвшегося с Необходимостью, от мудреца благодушного, который ей всецело покорился.

И в храме водворилась полная тишина, среди которой блестящий идол смотрел на

обоих мудрецов со своей загадочной и странной улыбкой.

Срывались и падали плоды с деревьев, журчал ручей, белые облака проносились по синему небу, заглядывая во внутренность храма, а мудрецы все сидели без признаков жизни - один в блаженстве отрицания, другой в блаженстве подчинения Необходимости...

V

Вечная ночь уже распростерла над обоими свои черные крылья, и никто из живущих никогда не узнал бы, какая истина являлась двум мудрецам на вершине пятидесяти колен тростника... Но прежде чем угас последний луч, светившийся в сумерках сознания мудрого Дарну, ему все-таки опять послышался прежний голос: Необходимость смеялась в наступающем мраке, и этот хохот, молчаливый и беззвучный, пронизал Дарну предчувствием смерти...

- Бедный Дарну,- говорило неумолимое божество,- жалкий мудрец! Ты думал уйти от меня, ты надеялся скинуть мое ярмо и, превратившись в неподвижный чурбан, купить

этим сознание внутренней свободы...

- Да, я свободен,- мысленно ответил упрямый мудрец.- Я один из тьмы твоих слуг не исполняю заветов необходимости...

- Смотри же сюда, бедный Дарну...

И внезапно перед внутренним взором его открылся опять смысл всех надписей и всех вычислений на стенах храма. Цифры тихо изменялись, росли или убывали сами собою, и одна из них особенно привлекла его взоры. Это была цифра 999998... И пока он смотрел на нее, внезапно еще две единицы пали на стену, и длинный итог стал тихо превращаться. Дарну внутренне содрогнулся, а Необходимость опять засмеялась.

- Понял ли ты, бедный мудрец? На сто тысяч слепых моих слуг всегда приходится один упрямец, как ты, и один ленивец, как Пурана... И вы пришли сюда оба... Привет вам, мудрецы, завершающие мои вычисления...

Тогда из потускневших глаз мудреца выкатились две слезинки, тихо покатались по иссохшим щекам и упали на землю, как два зрелых плода с древа его долголетней мудрости.

А за стенами храма все шло по-старому.

Светило солнце, веяли ветры, люди в долине предавались заботам, в небе набирались тучи... Проходя над горами, они отяжелели и обессилели. В горах разразилась гроза...

И опять, как это бывало в старые времена,- глупый пастух соседнего склона пригнал свое стадо, а с другой стороны пригнала свое стадо юная и глупая пастушка. Они встретились у ручья и пиши, из которой на них глядело божество с странной улыбкой, и, пока шумела гроза, они обнимались и ворковали совершенно так, как это делали 999999 пар в таком же положении. И если бы мудрый Дарну мог их видеть и слышать, он, наверное, сказал бы в высокомерии своей мудрости:

- Глупые,- они делают это не для себя, а в угоду Необходимости.

Между тем гроза прошла, солнечный свет опять заиграл в зелени, еще покрытой блестящими каплями дождя, и осветил потемневшую было внутренность храма.

- Посмотри,- сказала пастушка,- вот два новых изваяния, которых здесь прежде не было.

- Молчи,- ответил пастух.- Старики говорят, что это поклонники древнего божества.

Впрочем, они не могут сделать вреда... Останься с ними, а я пойду отыщу твоих пропавших овец.

И он ушел, а она осталась с идолом и двумя мудрецами. А так как ей было немного страшно и, кроме того, она была еще полна молодой любви и восторга, то она не могла оставаться на месте, а ходила по храму и громко пела песни любви и радости. Когда же гроза совсем прошла и края темной тучи скрылись за дальними вершинами горной цепи, она нарвала еще влажных цветов и убрала ими идола. А чтобы скрыть его неприятную улыбку, она воткнула ему в рот плод горного ореха с веткой и листьями.

После этого она взглянула на него и громко засмеялась. Но и этого ей было мало. Она захотела убрать цветами также и старцев. Но так как на добром Пуране было еще гнездо с птенцами, то она обратила внимание на сурового Дарну, гнездо которого уже опустело. Она сняла пустое гнездо, очистила тюрбан, волосы и плечи старца от птичьего помета, потом обмыла его лицо ключевой водой. Она думала, что этим она платит богам за их по-

кровительство ее счастью. А так как и этого ей показалось мало, то, все еще переполненная своей радостью, она наклонилась, и вдруг блаженный Дарну, стоявший на самом пороге Nirваны, ощутил на своих сухих губах крепкий поцелуй глупой женщины...

Вскоре после этого вернулся пастух с найденной овечкой, и оба ушли, распевая веселую песню.

VI

Между тем искра, едва не угасшая в сознании мудрого Дарну, затлелась опять и стала разгораться все сильнее. Прежде всего в нем, как в доме, где все спят, проснулась мысль и стала беспокойно метаться в темноте. Мудрый Дарну думал целый час и надумал одну только фразу:

- Они подчинялись Необходимости... Еще через час:

- Но, в конце концов, и я тоже ей подчинился... Третий час принес новую посылку:

- Срывая плод - я исполнял закон необходимости. Четвертый:

- Но и отказываясь - я исполняю ее расчеты. Пятый:

- Они, глупые, живут и любят, а мы с мудрым Пураной умираем. Шестой:

- В этом есть, может быть, необходимость, но очень мало смысла.

После этого проснувшаяся мысль окончательно поднялась и стала будить другие спавшие способности:

- Если мы с Пураной умрем,- сказал себе мудрец Дарну,- это будет неизбежно, но глупо. Если мне удастся спасти себя и товарища,- это будет тоже необходимо, но умно. Итак, будем спасаться. Для этого нужна воля и усилие.

Он отыскал в себе маленькую искорку воли, которая еще не угасла. Он заставил ее поднять свои отяжелевшие веки.

Дневной свет ворвался в его сознание, как врывается он в помещение по открытии ставень. И прежде всего ему представилась безжизненная фигура товарища, с застывшим лицом и с предсмертной слезой на щеке. Тогда в сердце Дарну шевельнулась такая жалость к злополучному спутнику его мудрости, что воля забегала в нем еще шибче. Она кинулась в его руки, и они стали двигаться, потом уже руки помогли ногам... На все это понадо-

билось времени гораздо больше, чем ушло его на размышления. Однако уже следующее утро застало тыкву Дарну, полную свежей воды, у самых уст Пураны, а кусок сочного плода попал, наконец, в раскрытый рот благодушного мудреца.

Тогда челюсти Пураны пришли сами собой в движение, и он подумал: "О, благодетельная Необходимость. Я вижу, ты уже начинаешь исполнять свое обещание". Но затем, убедясь, что около него хлопочет не божество, а его товарищ Дарну, он несколько обиделся и сказал:

- Восемь горных хребтов и семь морей, солнце и святых богов, тебя, меня, вселенную - всех движет Необходимость... Зачем ты разбудил меня, Дарну? Я стоял уже на пороге блаженного покоя.

- Но ты был подобен мертвецу, друг Пурана.

- Кто, подобно слепому, не видит, подобно глухому, не слышит, подобно дереву, бесчувствен и недвижим,- о том знай, что он достиг покоя... Дай мне еще напиток, друг Дарну...

- Пей, Пурана. Я вижу еще слезу на твоей

щеке. Не блаженство ли покоя выжало ее из твоих глаз?

После этого мудрые старцы еще три недели приучали свои уста к питью и пище, а члены к движению, и в течение трех недель спали в храме, согреваясь взаимно теплотой своих тел, пока к ним вернулись силы.

В начале четвертой недели они стояли у порога разрушенного храма. Внизу, у их ног, зеленели склоны гор, сбегавшие уступами в долину... Далеко в долине виднелись изгибы реки, белели домики деревень и городов, где люди жили обычной жизнью, предаваясь заботам, страстям, любви, гневу и ненависти, где радость сменяется горем, и горе залечивается новой радостью, и где среди гремящего потока жизни люди поднимают глаза к небу, отыскивая там путеводные звезды... Мудрецы стояли и глядели на картину жизни с порога старого храма.

- Куда нам идти, друг Дарну? - спросил ослепленный Пурана.- Нет ли указаний на стенах храма?

- Оставь в покое и храм, и его божество,- ответил Дарну.- Пойдем ли мы направо, это

будет согласно с Необходимостью. Пойдем ли мы налево, это тоже с нею согласно. Разве ты не понял, друг Пурана, что это божество признает своими законами все то, что решит наш выбор. Необходимость - не хозяин, а только бездушный счетчик наших движений. Счетчик отмечает лишь то, что было. А то, что еще должно быть - будет только через нашу волю...

- Значит...

- Значит,- предоставим Необходимости заботиться о своих расчетах, как она знает. А сами выберем путь, который ведет нас туда, где живут наши братья.

И оба мудреца веселыми ногами стали спускаться с горных высей в долину, туда, где жизнь людей протекает среди забот, любви и горя, где раздается смех и льются слезы...

- ...И где ваш домоправитель, о, Кассапа, покрывает рубцами спину раба Джеваки,- прибавил мудрый Дарну с улыбкой укоризны.

Вот что рассказал веселый старец Улайя юному сыну раджи Личави, впавшему в бездействие уныния... Дарну и Пурана улыбались, не отрицая и не подтверждая, а Кассапа

выслушал рассказ и удалился в раздумий по направлению к дому отца своего, могучего раджи Личави.

1898

ПРИМЕЧАНИЯ

Рассказ "Необходимость" был закончен в 1898 году. На черновике рассказа имеются даты: "ноябрь 1894 г." и ниже карандашом: "сентябрь 98". Рассказ напечатан в журнале "Русское богатство" в 1898 году, кн. 11. В последующих изданиях автор вносил в него только незначительные стилистические изменения. Идея этого рассказа была первоначально высказана Короленко в небольшом наброске, относящемся к 1880 году, без заглавия, который сохранился неполностью. В наброске идет речь о мудром и богобоязненном факире, пришедшем к тем же выводам относительно роли необходимости в жизни человека, к каким пришли и старцы Дарну и Пурана в рассказе "Необходимость". Отрывок этот носит полемический характер и направлен против приверженцев "неизменных законов природы".

Стр. 375. Шастры (санскр.) - так называются в древнеиндийской литературе книги, име-

ющие признанный божественный авторитет, или сборники законов. Веды - древнейшие памятники индийской литературы, написанные до возникновения буддизма.